

И. Г. Ширококов

МАТЕРИАЛЫ К КРАНИОЛОГИИ УДМУРТОВ XVII–XIX ВВ.

В 2012 г. в рамках соглашения между Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН (УИИЯЛ УрО РАН) и МАЭ РАН в фонды отдела антропологии музея на постоянное хранение и изучение были переданы краниологические коллекции института, полученные ижевскими археологами в ходе раскопок погребальных памятников эпохи Средневековья — Нового времени (регистрационный номер коллекции 7545).

Последние данные по краниологии удмуртов были опубликованы почти полвека назад. Их основу составили серии, полученные при раскопках в 1950-е гг. М.С. Акимовой трех поздних удмуртских могильников: Буринского (XVII–XVIII вв.), Можгинского (XVIII в.) и Аксакшурского (XVIII–XIX вв.). Результаты исследований привели антрополога к заключению, что по краниметрическим параметрам удмурты сходны между собой и в наибольшей степени сближаются с поволжскими финно-уграми (марийцами и мордвой). Основу марийцев и удмуртов, по мнению М.С. Акимовой, составило население Среднего Поволжья и Приуралья I тыс. н.э. (а в более ранний период — население пьяноборской культуры), в различных группах которого представлены варианты единого морфологического типа [Акимова 1962; 1968].

Впоследствии В.П. Алексеев дополнил эти серии, изучив заново материалы Н.М. Малиева из раскопок 1871 г. кладбищ под Мамадышем и Малмыжем (вероятно, XVII–XVIII вв.), а также три черепа из кладбища близ Балезино (по предположению А.Г. Иванова, Чубойский мог. XVII в.), раскопанного П.Г. Тарасовым в 1906 г. [Алексеев 1969: 41]. Исследователь также придерживался мнения о местных истоках представленного у удмуртов краниологического комплекса. В.П. Алексеев пришел к заключению, что удмурты наряду с марийцами являются наиболее характерными представителями субуральского антропологического типа, формирование которого, основанное на смешении двух больших рас

Евразии, восходит к эпохе неолита [Алексеев 1969: 156–158]. Впоследствии материалы по удмуртам, опубликованные М.С. Акимовой и В.П. Алексеевым, неоднократно привлекались для проведения различного рода исследований другими антропологами, в т.ч. в работах А.Н. Багашева, С.Г. Ефимовой, К.Ю. Марк, В.Г. Моисеева, Р.М. Фаттахова и др.

В конце 1980-х гг. значительные по объему материалы по удмуртам, находившиеся в УИИЯЛ УрО РАН и Удмуртском государственном университете (УдГУ), были изучены по ряду антропологических программ Г.В. Рыкушиной. Эта группа материалов происходит в основном из раскопок Н.И. Шутовой [Шутова 1989]. К большому сожалению, данные не были опубликованы и в настоящее время остаются недоступными для исследователей¹.

Между тем значительная часть антропологических коллекций Ижевска была безвозвратно утрачена в результате перезахоронений сотрудниками УИИЯЛ УрО РАН скелетных останков, происходящих из раскопок ряда могильников, а также депаспортизации и разрушения части коллекций, находящихся на хранении в институте и университете. На протяжении последних пяти лет автором были измерены по принятой в практике российских антропологов краниометрической программе все доступные антропологические материалы УдГУ и УИИЯЛ УрО РАН, относящиеся к периоду от конца I до конца II тыс. н.э., в т.ч. измеренные ранее Г.В. Рыкушиной.

В результате исследований опубликованные ранее данные по краниологии удмуртов были дополнены выборками из 11-ти поздних могильников, исследованных археологами в 1980-е гг. Могильники Еловский (XVII–XVIII вв.), Чабыровский (XVII–XVIII вв.), Чужьяловский (XVIII–XIX вв.), Большедокъяинский II (XVIII в.), Енабердинский (XVII), Якшурский (XVII–XVIII) изучены Н.И. Шутовой, Атынский (XVII–XVIII вв.) и Арняшский (XVIII в.) — Н.И. Шутовой и Л.А. Наговициным, Качкашурский II (XVII–XVIII) — А.Г. Ивановым, Пуро-Можгинский (XVII–XVIII), Едыгронский (XVII — нач. XIX в.) — И.Г. Шапран. Материалы последнего не опубликованы, основная информация об остальных

¹ При устном общении с автором Г.В. Рыкушина сообщила, что ее выводы, основанные на изучении материалов из поздних удмуртских кладбищ, совпадают с результатами исследования М.С. Акимовой.

могильниках содержится в монографии Н.И. Шутовой [1989]. Эти же материалы легли в основу краниологической коллекции, переданной руководством института в МАЭ РАН. Исключение составили выборки из могильников, исследованных И.Г. Шапран, находящиеся на хранении в Музее древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья УдГУ.

В общей сложности автором было измерено 62 черепа (30 мужских и 32 женских), относящихся к XVII–XIX вв. С учетом ранее опубликованных данных краниологические материалы, характеризующие антропологический состав удмуртов, в настоящее время представлены более чем 270-ю черепами. Поскольку численность черепов, происходящих из отдельных могильников, как правило, невелика, материалы были сгруппированы в несколько сборных серий. Ставшая традиционной группировка в две выборки по северным и южным удмуртам представляется сегодня недостаточной, так как значительно сужает скрытые в материале возможности анализа территориальной изменчивости удмуртов. По этой причине автором были выделены пять краниологических групп по принципу территориальной близости могильников:

— северо-западная группа (Еловский и Чабыровский могильники);

— северо-восточная группа (Буринский, Чубойский, Качкашурский II);

— юго-восточная группа (Едыгронский, Аксакшурский, Якшурский, Пуру-Можгинский);

— юго-западная группа (Можгинский, Большедокъянский II, Чужьяловский, Енабердинский);

— группа северо-западного Татарстана (Арняшский, Атынский, могильники под Мамадышем и Малмыжем).

Четыре из пяти территориальных групп несомненно могут быть отнесены к общему краниологическому типу. Последний характеризуется короткой, среднеширокой или широкой брахикранной по указателю черепной коробкой со средневысоким сводом и средней ширины лбом (табл. 1). Лицевой скелет имеет средние размеры, несколько уплощен на уровне орбит и клиногнатен на уровне альвеолярного отростка. Орбиты средней ширины, средней или малой высоты, мезоконхные по указателю. Грушевидное

отверстие средней ширины и высоты, носовые кости среднеширокие и высокие как по абсолютным размерам, так и по указателю. При этом угол носа к линии профиля относится к средним величинам. Мужские и женские выборки характеризуются сходными параметрами. Максимальная межгрупповая изменчивость характеризует строение носа: наиболее значительно варьируют симотический указатель (9,2 % у мужчин, 12,3 % у женщин), угол выступающего носа (7,5 % у мужчин, 5,1 % у женщин), высота (2,5 % и 2,2 % соответственно) и ширина грушевидного отверстия (3,6 % и 2,0 %). В обеих северных выборках нос, как правило, лепторинный, в юго-западной и татарской группах — мезоринный, в юго-восточной — хамеринный. Остальные признаки значительно уступают в межгрупповой вариабельности.

Описанная выше характеристика сближает удмуртов в первую очередь с выборкой коми-пермяков, происходящей из кладбища кон. XVIII — нач. XIX в. близ Кудымкара, опубликованной В.П. Алексеевым [Алексеев 1969]. Однако при общем сходстве коми-пермяков и удмуртов между ними наблюдаются и систематические отличия. Последние относятся к несколько меньшим высотным величинам основных параметров лицевого скелета у коми-пермяков — высоте лица, орбит и грушевидного отверстия.

За границы приведенного для удмуртов описания выходит характеристика северо-западной группы. Мужские черепа в данной выборке отличаются высоким сводом с крайне выраженной гипсикранией, лицевой скелет широкий, резко профилирован на уровне альвеолярного отростка и несколько уплощен на уровне орбит, нос к линии профиля выступает сильно. При этом женская выборка северо-западных удмуртов выделяется противоположной комбинацией признаков: наиболее узким лицевым скелетом и слабо выступающим носом. Расхождения могут быть связаны с тем, что большая часть мужских черепов происходит из Чабыровского могильника, а женских — из Еловского. Однако в любом случае выявленные различия свидетельствуют о некотором усилении гетерогенности населения в северных районах расселения удмуртов. Краниологический комплекс северо-западных удмуртов сближает их в наибольшей степени с сериями коми-зырян, карел и ижоры [Харганович 1986; 1991; 2004]. Морфологические

характеристики черепов всех этих групп отличаются от ближайших языковых родственников в одном направлении. Коми-зыряне от коми-пермяков, карелы и ижора от финнов, северо-западные удмурты от других удмуртских выборок отличаются в первую очередь большей высотой свода черепа и сильно выступающими носовыми костями. По всей вероятности, этот параллелизм в межгрупповой изменчивости связан с включением в состав северных групп финно-угорских народов общего субстратного компонента. Морфологическое сходство некоторых прибалтийско-финских и коми групп на соматологическом и краниологическом материале неоднократно отмечалось исследователями ранее (см., например: [Чебоксаров 1946; Аксянова, Аксянов 2000; Хартанович 1986; 2005]). Кроме того, К.Ю. Марк, основываясь на результатах изучения собственных материалов, высказала предположение, что у некоторых групп северных удмуртов (Кезского, Дебесского и Балезинского районов Удмуртии), коми-зырян, коми-пермяков Кудымкара, северо-восточных финнов и саамов-сколтов сохранился «реликтовый тип древних финно-угров» [Марк 2000: 157]. На краниологическом материале сближение коми-зырян, карел и удмуртов фиксируется впервые.

Представляется маловероятным, что в северо-западной группе удмуртов гипсикранный комплекс имеет позднее происхождение. В средневековых материалах Прикамья близкой морфологической характеристикой обладают выборки из могильников родановской культуры и серия черепов из Поломского могильника². Вопрос о генетической преемственности между населением, оставившим данные памятники, и близкими к современности удмуртскими группами северо-запада Удмуртии относится к разряду дискуссионных. Однако сам факт выявления описанного комплекса в материалах Прикамья предшествующего времени (в условиях по-прежнему плохой обеспеченности первой половины II тыс. н.э. антропологическим материалом) говорит о том, что предположение о наличии связи между северными удмуртами и какими-то

² Кроме того, сближение характеристик обобщенных групп северных удмуртов XVII–XIX вв. и средневекового поломско-чепецкого населения показано В.Г. Моисеевым по данным изменчивости дискретно-варьирующих признаков черепа [Моисеев, Селезнева 2012].

группами средневекового населения территории современной Кировской области и Пермского края является предпочтительным.

Проведенные в 2000-е гг. среди современных групп удмуртов генетические исследования, основанные на изучении ряда полиморфных ДНК-локусов, гаплогрупп митохондриальной ДНК и Y-хромосомы, свидетельствуют, во-первых, о низкой межгрупповой изменчивости удмуртов, во-вторых, о значимой роли эффекта основателя и дрейфа генов в истории формирования их генофонда; в-третьих, о резком росте численности популяции удмуртов после прохождения через «бутылочное горлышко» [Bermisheva et al. 2001, Bermisheva et al. 2002; Bermisheva et al. 2007; Zinchenko et al. 2007].

В связи с этими выводами следует отметить заключение, к которому пришла Г.В. Рыкушина, опираясь на результаты исследования скелетных останков из Нязь-Ворцинского могильника XVI–XVIII вв. — единственного удмуртского могильника, антропологические материалы которого опубликованы исследователем. Полученные ею демографические данные говорят о высокой смертности среди населения, оставившего могильник, возможно, генетически обусловленной кровнородственными браками, и, как следствие, о сокращении численности популяции [Рыкушина 1991: 137–138]. В случае если мы допустим, что данные генетики и антропологии отражают один и тот же факт, а именно —хождение предковых популяций современных удмуртов через «бутылочное горлышко», то придется признать, что резкое снижение численности относится не (или не только) к XIII–XIV вв., как полагают генетики, а к Новому времени. Ради справедливости следует отметить, что генетики опираются в вопросе датировки этого события не на результаты собственных исследований, а на историко-археологические исследования [Zinchenko et al. 2007: 918].

Однако в независимости от того, допустимо ли такое широкое толкование данных демографии, полученных для отдельного могильника, применение результатов генетических исследований к анализу краниологических материалов XVII–XIX вв. представляется все же возможным. В частности, оно позволяет выдвинуть предположение о локализации изначальной области формирова-

ния характерного для удмуртов краниологического комплекса, т.е. того комплекса, который получил распространение после прохождения их предковой популяции через «бутылочное горлышко». Очевидно, что такой области в наибольшей степени будет соответствовать территория, с которой происходит выборка, максимально сближающаяся со средней межгрупповой характеристикой.

Для анализа был использован набор из 14 краниометрических признаков (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, zm, 77, 75 (1), SS:SC (номера по Мартину и др.). Для выявления искомой выборки вычисление отклонений групповых значений признаков от средних в долях сигм представляется недостаточным, поскольку значительная часть краниометрических признаков на внутригрупповом уровне связана между собой корреляциями. Необходимость отделения внутри- и межгрупповых связей между признаками становится задачей тем более отчетливой, если вспомнить, что основная доля межгрупповой изменчивости у удмуртов приходится практически исключительно на признаки, характеризующие носовую область черепа.

Для оценки межгрупповых различий с учетом внутригрупповых корреляций между признаками при помощи программы Б.А. Козинцева «CANON» была построена матрица расстояний Махаланобиса (табл. 2). Вычисление средних попарных расстояний Махаланобиса между всеми территориальными группами удмуртов показало, что наиболее близкую к средней характеристике имеют серии из могильников юго-западных районов Удмуртии (среднее расстояние Махаланобиса 1,56) и северо-западного Татарстана (1,78). У женщин наиболее близки к средним юго-восточная и юго-западная группы Удмуртии (соответствующие средние расстояния составляют 0,33 и 0,42).

Следовательно, южные районы Удмуртии и северо-западные районы Татарстана в наибольшей, а северные районы Удмуртии в наименьшей степени соответствуют области сложения краниологического комплекса предковых групп удмуртов, откуда он впоследствии распространился по всей исторической зоне расселения удмуртов в XVII–XIX вв.

Полученный (особенно для мужских групп) результат хорошо согласуется с гипотезой о сложении в начале II тыс. н.э. ядра уд-

муртского этноса в нижнем течении Камы и Вятки (т.е. в северо-западных районах Татарстана, юго-западных районах Удмуртии и юго-восточных районах Кировской области), поддерживаемой рядом историков. Впоследствии, в XV–XVI вв., значительные группы удмуртов перемещаются из этой области в северном и северо-восточном направлении, заселяя территорию современной Удмуртии [Чураков 2007; Белых 2011]. Как представляется автору, результаты краниологического исследования в полной мере соответствуют гипотезе об узкой локализации территории формирования предковых для удмуртов групп населения. В таком случае краниологический тип северо-западной группы, возможно, следует рассматривать как отражающий морфологические особенности «доудмуртского» населения северных районов зоны расселения удмуртов³.

Библиография

Акимова М.С. Краниологический очерк удмуртов // Вопросы антропологии. Вып. 10. 1962. С. 110–115.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Аксянова Г.А., Аксянов Е.А. Сравнительная статистическая оценка антропологического разнообразия финно-угров // Антропология современных финно-угорских народов. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 137–152.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.

Белых С.К. К вопросу об исторической эволюции прапермской общности в эпоху Средневековья // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2011. Вып. 11. С. 45–52.

Марк К.Ю. Антропология пермских финнов в связи с вопросами их этногенеза // Антропология современных финно-угорских народов. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 153–164.

Моисеев В.Г., Селезнева В.И. Краниоскопическая характеристика населения Волго-Камья I тыс. н.э. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С. 55–62.

³ В данном случае термин «доудмуртский» используется не для указания на иную по отношению к удмуртам этническую или языковую принадлежность средневекового населения Прикамья (решение этих вопросов выходит за рамки задач физической антропологии), а для обозначения субстратного по отношению к поздним удмуртским группам населения региона, вероятно, по меньшей мере частично ассимилированного пришельцами.

Рыкушина Г.В. Заключение о скелетных остатках из Нязь-Ворцинского могильника // *Материалы по погребальному обряду удмуртов*. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 136–139.

Хартанович В.И. Краниология карел // *Антропология современного и древнего населения Европейской Части СССР*. Л.: Наука, 1986. С. 63–120.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // *Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии*. СПб, 1991. С. 108–125. (Сборник МАЭ. Т. 44).

Хартанович В.И. Краниология ижор // *Расы и народы*. Вып. 30. М., 2004. С. 96–12.

Хартанович В.И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // *Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона*. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005. С. 13–22.

Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // *Советская этнография*. 1946. № 2. С. 51–80.

Чураков В.С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // *Иднакар: методы историко-культурной реконструкции*. 2007. Вып. 2. С. 79–100.

Шутова Н.И. Удмурты XVI — первой половины XIX в. по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992.

Bermisheva M.A., Petrova N.V., Zinchenko R.A., Timkovskaya E.E., Malyshev P.Y., Gavrilina S.G., Ginter E.K., Khusnutdinova E.K. Population study of the Udmurt population: Analysis of ten polymorphic DNA loci of the nuclear genome // *Russian Journal of Genetics*. 2007. Vol. 43 (5). P. 563–578.

Bermisheva M.A., Tambets K., Villems R., Khusnutdinova E.K. Diversity of mitochondrial DNA haplogroups in ethnic populations of the Volga–Ural region // *Molecular biology*. 2002. Vol. 36 (6). P. 802–812.

Bermisheva M.A., Viktorova T.V., Khusnutdinova E.K. Polymorphism of Y-chromosomal diallelic loci in populations of the Volga–Ural region // *Russian Journal of Genetics*. 2001. Vol. 37 (7) P. 833–837.

Zinchenko R.A., Elchinova G.I., Petrova N.V., Osipova E.V., Malyshev P.Yu., Polyakov A.V., Ginter E.K. Genetic structure of the Udmurt population // *Russian Journal of Genetics*. 2007. Vol. 43 (8). P. 918–928.

Таблица 1

Средние значения краниометрических признаков в территориальных выборках удмуртов XVII–XIX вв.

№	Татарская группа		Юго-западная группа		Юго-восточная группа		Северо-западная группа		Северо-восточная группа	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♀
1	179.1 (22)	170.8 (18)	174.2 (61)	168.8 (41)	174.2 (13)	168.3 (13)	176.0 (7)	168.9 (9)	177.0 (36)	169.0 (40)
8	145.4 (24)	141.4 (20)	143.0 (63)	138.2 (40)	144.3 (13)	137.4 (12)	141.1 (7)	135.7 (7)	145.2 (36)	138.8 (40)
17	136.4 (19)	129.6 (17)	133.5 (62)	128.8 (40)	136.1 (11)	127.8 (13)	140.4 (7)	129.9 (8)	134.1 (34)	130.7 (40)
9	97.3 (25)	93.6 (20)	94.7 (63)	92.3 (43)	97.1 (14)	92.5 (18)	94.6 (7)	94.5 (8)	95.1 (37)	93.2 (40)
45	134.7 (18)	127.3 (13)	132.1 (60)	124.2 (36)	132.4 (11)	125.0 (6)	136.7 (6)	123.5 (6)	133.7 (36)	126.8 (40)
48	71.8 (17)	68.4 (14)	70.4 (62)	67.6 (39)	70.8 (11)	66.9 (12)	71.8 (6)	66.6 (7)	71.6 (34)	65.8 (38)
55	50.6 (18)	48.7 (17)	50.7 (65)	49.0 (41)	50.9 (14)	49.0 (14)	53.6 (7)	46.5 (8)	52.6 (35)	48.8 (38)
54	24.9 (12)	23.6 (11)	24.2 (62)	23.9 (36)	25.8 (12)	24.9 (14)	25.1 (7)	24.4 (8)	23.7 (35)	24.5 (38)
51	41.8 (21)	40.4 (16)	41.4 (63)	39.9 (41)	42.6 (14)	41.1 (14)	42.8 (6)	41.0 (8)	42.1 (36)	40.3 (38)

52	32.8 (21)	32.1 (16)	32.7 (65)	32.1 (41)	33.3 (13)	33.3 (14)	32.9 (6)	32.3 (8)	33.6 (37)	32.9 (38)
77	141.0 (20)	142.6 (16)	141.8 (64)	143.6 (38)	144.1 (13)	143.1 (13)	141.2 (7)	142.2 (7)	142.3 (35)	143.5 (39)
zm	126.7 (11)	128.4 (10)	129.8 (58)	130.3 (33)	131.8 (12)	129.0 (9)	126.4 (6)	130.3 (4)	129.4 (32)	129.5 (35)
SC	9.6 (14)	9.2 (12)	8.5 (58)	8.9 (40)	9.5 (12)	8.6 (13)	8.5 (7)	7.9 (8)	8.4 (33)	8.4 (37)
SS	4.0 (14)	4.3 (12)	3.9 (58)	3.3 (40)	4.6 (12)	3.2 (13)	4.6 (7)	2.6 (8)	4.1 (33)	3.4 (37)
75(1)	25.4 (10)	24.3 (8)	26.9 (54)	23.3 (33)	26.6 (9)	24.6 (10)	30.2 (6)	21.6 (5)	26.6 (29)	24.2 (35)

Таблица 2

**Матрица расстояний Махаланобиса,
вычисленных между удмуртскими выборками
(слева от диагонали — у мужчин,
справа от диагонали — у женщин)
по 14 краниометрическим признакам**

Выборка	1	2	3	4	5
1. Северо-восточная группа удмуртов	–	1.08	0.63	-0.21	1.75
2. Северо-западная группа удмуртов	3.08	–	0.44	-0.18	1.66
3. Юго-западная группа удмуртов	0.43	3.30	–	0.14	0.47
4. Юго-восточная группа удмуртов	3.35	4.90	2.19	–	1.57
5. Удмурты северо-западного Татарстана	1.36	3.64	0.31	1.81	–

Примечание: приведенные выше цифры сопоставимы только в пределах пола.